

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО ПЕРИОДА
ИКОНОБОРЧЕСТВА
И АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В “*AROLOGETICUS ATQUE ANTIRRHETICI*”
ПАТРИАРХА НИКИФОРА
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Предпоследняя глава пространного богословско-полемического трактата патриарха Никифора Константинопольского (757/758 – 5 апреля 828 г.) “*Arologeticus atque Antirrheticus*”¹ открывается следующим примечанием издателя: “В этом месте Никифор обращается в целом к иконоборцам своего времени или даже, не называя имени, к императору Льву Армянину, возобновившему ересь”². Таким образом у читателя складывается впечатление, что обращение к правящему императору (Лев V правил с июля 813 г. по декабрь 820 г., трактат Никифора датируется 816–820 гг.)³ представляет собой лишь краткий эпилог к богословским рассуждениям автора. В то же время внимательное прочтение всего произведения заставляет предположить, что Никифор обращался ко Льву V не только на последних страницах своего сочинения. На мой взгляд, в “*Arologeticus atque Antirrheticus*” наряду с богословской может быть выделена *политическая линия аргументации*, адресатом которой был именно правящий император⁴. В некотором отношении эти линии соотносимы с двумя временными пластами, а priori присутствующими в трактате, который был создан после возобновления иконоборчества в 815 г., но опровергал богословскую доктрину иконоборцев VIII в. (так называемые “Вопросы” Константина V).

¹ Условное название предложено в 1958 г. П. Александером (*Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image of Worship in the Byzantine Empire. Oxf., 1958. P. 167*). Гипотеза о том, что изданные А. Май в качестве самостоятельных произведений “Антирретики” и “Большой Апологетик” Никифора (перепечатано в Греческой Патрологии Ж.-П. Миня: PG. Т. 100. Cols. 206–533 и 533–831 соответственно. Далее: *Arologeticus atque Antirrheticus*) в действительности представляют собой единый трактат, основывается как на чтении наиболее авторитетных рукописей (Pag. gr. 910 и 911), в которых эти сочинения располагаются в иной последовательности (соответственно сначала “Большой Апологетик”, затем “Антирретики”; *Blake R. Note sur l'activité littéraire de Nicephore Ier Patriarche de Constantinople // Byz. 1939. Т. 14. Fasc. 1. P. 1–15*), так и на анализе внутренней логики произведений (*Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus... P. 167–173*).

² “Nunc alloquitur generatim sui temporis Iconomachos Nicephorus; vel ipsum, tacito nomine, Leonem Armenum imp. haereseos instauratorem” (*Arologeticus atque Antirrheticus. Col. 526. N. 4*).

³ *O'Connell P. The Ecclesiology of St. Nicephorus I (758–828). Roma, 1972 (OCA. 194). P. 58*. П. Александер предлагает более узкие временные рамки: 818–820 гг. (*Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus... P. 188*).

⁴ Впервые предположение в таком виде было сформулировано Д.Е. Афиногеновым: *Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. М., 1997. С. 7*.

Необходимо заметить, что новейшие исследования со всей очевидностью демонстрируют, что некоторые сочинения иконоборческой эпохи, ранее рассматривавшиеся как богословские, в действительности имели и актуально-политические цели. Так, например, “Житие Стефана Нового”, составленное Стефаном Диаконом в 809 г., по мнению М.-Ф. Озепи, было заказано Константинопольским патриархатом (что примечательно, во главе патриархата в этот момент стоял именно Никифор, провозглашенный патриархом 12 апреля 806 г.⁵) с определенными политическими целями. Было необходимо, во-первых, поднять авторитет патриархата, представив патриарха Германа (11 августа 715 – 30 января 730 г.) пламенным борцом с иконоборцами, а во-вторых, предложить в качестве главного мученика первого иконоборчества фигуру, компромиссную для всех направлений монашества⁶.

Аналогичным образом, согласно предположению Д.Е. Афиногенова, утраченный антииконоборческий источник Феофана Исповедника и Георгия Монаха, существование которого постулировали ранее многие исследователи, в действительности был направлен не только и не столько против иконоборческой династии Исавров, но против клана императрицы Ирины и был составлен в окружении патриарха Тарасия (24 декабря 784 г. – 25 февраля 806 г.), на определенном этапе поддержавшего Константина VI в его конфликте с матерью⁷.

Несомненно, Никифор был прекрасно знаком с подобной традицией (“Житие Стефана Нового” создавалось под его руководством, а с Тарасием его связывали очень тесные, возможно, родственные⁸, отношения), и было бы естественно ожидать, что в своих сочинениях он также будет использовать подобный прием и за богословской аргументацией будут скрываться конкретные политические задачи.

В первой части данной статьи будет предложен опыт прочтения исторических глав “*Apologeticus atque Antirrheticus*” с точки зрения их полемической направленности. Вторая часть будет посвящена собственно реконструкции зашифрованного в трактате политического “послания” Льву V.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ГЛАВЫ

Историческими традиционно называют обрамляющие главы “*Apologeticus atque Antirrheticus*”, т.е. первые 10 глав “Большого Апологетика” (в них описывается социальный состав “иконоборческой партии”)⁹ и заключительные главы (гл. 62–84) “Третьего Антирретика”, в которых Никифор прекращает

⁵ Здесь и далее годы патриаршества даны по справочнику: *Die Patriarchen der Ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios I. (715–847)* / Hrsg. von R.-J. Lilie. F. am Mein; Berlin; Bern u.a. 1999 (BBS. 5).

⁶ *Auzépy M.-Fr. L’Hagiographie et L’Iconoclasme Byzantin. Le cas de la Vie d’Étienne le Jeune.* Aldershot, 1999 (BBOM. 5). P. 90–91.

⁷ *Afinogenov D. A Lost 8th Century Pamphlet Against Leo III and Constantine V? // Eranos.* 2000. N 100. P. 16–17.

⁸ *Афиногенов Д.Е.* Константинопольский патриархат... С. 39.

⁹ Анализ этих глав с точки зрения реконструкции исторических фактов, “спрятанных в богословском контексте” (р. 113), см. у П. Александера (*Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus...* P. 111–125).

разбор богословских аргументов иконоборцев и переходит к описанию истории иконоборчества.

Необходимо уточнить, что эти части ни в коей мере не могут рассматриваться как историографические в чистом виде: автору нет необходимости создавать иллюзию объективности, он не скрывает того, что все части трактатов объединены общей полемической целью и все примеры из истории иконоборчества должны служить именно этой задаче. Собственно, историческая часть трактата содержит аргументы несколько иного характера, чем первая: они рассчитаны уже не на победу в теоретическом споре, а на переубеждение тех, кто ратовал за восстановление иконоборчества, ориентируясь на представления о времени иконоборческих императоров как эпохе процветания империи. Объективная оценка предпринятых Константином V реформ выходит за рамки настоящей статьи¹⁰, однако важно учитывать, что миф о благоденствии при иконоборческих императорах, сложившийся к началу IX в., был серьезным аргументом новых иконоборцев и требовал какого-то адекватного ответа со стороны православной оппозиции.

Особое внимание следует уделить тем эпизодам “*Apologeticus atque Antirrheticus*”, в которых автор отсылает читателя к событиям, описанным им же за много лет до этого в “Бревиарии”. На наш взгляд, определенные изменения в манере описания событий первого иконоборчества по сравнению с “Бревиарием” не могут быть сведены исключительно к эволюции политических взглядов самого Никифора¹¹. Разумеется, период более чем в 30 лет, разделяющий два произведения, был для Никифора во многих отношениях решающим: став патриархом, он пережил две михианские схизмы и в результате сумел объединить внутрицерковные группировки перед самым началом второго иконоборчества. Однако основным фактором, оказавшим влияние на смещение акцентов, стала новая установка Никифора. В период создания “Бревиария” он служил в имперском секретариате и следовал официальным историографическим установкам¹², которые на тот момент не предполагали осуждения иконоборческих императоров, родоначальников находящейся у власти династии, что могло бы скомпрометировать как Ирину, инициировавшую II Никейский собор 787 г., так и всю императорскую власть в целом. Опальный патриарх мог себе позволить гораздо больше: у власти находилась новая династия, которая, хотя и апеллировала к военным успехам первых иконоборческих императоров, не была с ними связана напрямую.

¹⁰ Подробный анализ внутренней политики Константина V см.: *Rochow I. Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. Mit einem prosopographischen Anhang von K. Ludwig, I. Rochow und R.-J. Lilie. F. am Mein; Berlin u.a., 1994 (BBS. 1). S. 21–42.* Наиболее высокой оценки в новейших исследованиях удостоилась градостроительная деятельность Константина: *Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca 680–850). The Sources. An annotated Survey. Aldershot, 2001 (ВВОМ. 7). P. 17–18.*

¹¹ Такова позиция Е.Э. Липшиц, первой обратившей внимание на соответствующие фрагменты памятников: *Липшиц Е.Э. Никифор и его исторический труд // ВВ. 1950. Т. 3. С. 85–105, особ. С. 99–105.*

¹² Разумеется, несмотря ни на что, Никифор с детства был приверженцем почитания икон, за которое, если верить Житию Никифора, при Константине пострадал его отец (*Vita Nicephori // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lpz, 1880. Cap. 5–6. P. 142–143; Pratsch Th. Nikephoros I. (12. April 806 – 13. oder 20. März 815) // Die Patriarchen der Ikonoklastischen Zeit... S. 110–112*), однако это не мешало ему проявлять определенную лояльность проводившемуся после смерти Константина курсу.

Обратимся к конкретным примерам: и в “Бревиарии”, и в “Третьем Антирретике” Никифор описывает страшную чуму, охватившую Константинополь в 747–748 гг., стихийные бедствия, голод во время осады Константинополя арабами (742–743), битву с болгарами у города Анхиал и смерть Константина.

Что касается первых двух ситуаций, то их описания достаточно схожи: упоминаемые сложности с погребением умирающих, которых грузят на животных и хоронят без отпевания, повторяются едва ли не дословно¹³. Существенным представляется только один момент: согласно “Бревиарию”, чума была в Константинополе в 747 г., всего через 6 лет после прихода к власти Константина V, задолго не только до массовых репрессий, которые начались в 762 г., но и до собора 754 г.; в “Антирретике” же акценты несколько смещены: постоянные упоминания о “божественном гневе” не оставляют никаких сомнений в том, что бедствия оказываются справедливым наказанием за безбожие императора. То, о чем в “Бревиарии” говорится как о личном мнении всего лишь некоторых людей¹⁴, в “Антирретике” выдается за действительное положение дел. Так как вся первая часть произведения была посвящена разбору ереси Константина V, а во второй речь идет об обрушившейся на город чуме, у читателя складывается ощущение, что хронологически написание Константином иконоборческих произведений и иконоборческий собор предшествовали этому бедствию. Таким образом, если не хронологически, то функционально этот эпизод выступает как своеобразное логическое завершение, справедливый суд над нечестивцем¹⁵.

В других случаях методы манипуляции остаются такими же. Никифор нигде прямо не искажает факты (или по крайней мере то, что представлялось ему фактами при создании “Бревиария”), но представляет их в удобном ему свете или снабжает комментариями, призванными переубедить читателя. Тот факт, что он пишет не собственно историческое произведение, дает ему определенное пространство для маневров: так он комментирует смерть Константина на корабле во время очередного похода, упоминая, что сама земля не захотела принять его тело¹⁶.

Наиболее яркий пример подобной манипуляции – вопрос о продолжительности жизни и правления Константина. Никифору было чрезвычайно важно затронуть в своей работе именно этот аспект, так как авторитет иконоборческих императоров в своей основе имел страх перед нестабильностью и шаткостью неиконоборческих режимов (как предшествовавших воцарению Исаврийской династии, так и пришедшихся на период после 775 г.). Константин V стал первым императором после Ираклия, кто сумел продержаться у

¹³ Соответствующие фрагменты: *Apologeticus atque Antirrhethici*. Col. 496B–497A; *Breviarium Historicum* // *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica*. S. 63–64. Анализ этих и иных источников см.: *Stathakopoulos D. Ch. Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire*. Aldershot, 2004 (BBOM. 9). P. 21, 147, 384–385.

¹⁴ “Разумно мыслящие полагали, что это (т.е. бедствия и эпидемия) происходит из-за божественного гнева” (*ταῦτα κρίνεται τοῖς ὀρθῶ φρονεῖν εἰδόσιν ἐκ θείας ἐπισκήπτειν ὀργῆς*; *Breviarium Historicum*. P. 64).

¹⁵ Впервые отмечено С. Геро: *Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V, with Particular Attention to the Oriental Sources*. Louvain, 1977 (CSCO. 384). P. 22.

¹⁶ *γῆ γὰρ... ἐφ’ αὐτῆς θνήσκειν οὐ παρέδεδετο* (*Apologeticus atque Antirrhethici*. Col. 505D).

власти более 30 лет, его правление длилось с 740 по 775 г., а его отец, Лев III, был первым императором за долгое время, сумевшим передать власть сыну.

Дж. Херрин, анализируя исторический контекст установления первого иконоборчества, указывает на череду правителей с 695 по 717 г., которые оказались императорами “без истории”, и объясняет, как выигранно на таком фоне воспринимались представители Исаврийской династии, активно приступившие к армейским и административным реформам и вернувшиеся к практике долгих правлений в рамках одной династии¹⁷. Эту ситуацию можно спроецировать и на начало IX в., когда вновь наступил период военных поражений (неудача в битве при Версиникии и реакция на нее в обществе стали одним из катализаторов скорейшего обращения к иконоборческой политике) и подданные испытывали усталость от частой смены правителей и внутренних конфликтов. Д. Тернер, немного утрируя, в заключении своей статьи, посвященной восхождению на престол Льва V, говорит о том, что у любого “солдатского” императора, оказавшегося у власти в тот период, не было никаких шансов отказаться от проведения иконоборческой политики¹⁸.

Обратим внимание на то, что для византийцев была очевидна прямая связь между правильной религиозной политикой императора и его политическими и военными успехами¹⁹. Уровень ожиданий был чрезвычайно высок, население (в первую очередь армия) было готово идти, казалось бы, против здравого смысла, предлагая в качестве кандидатов на трон слепых сыновей Константина V, старых и больных людей²⁰, неспособных осуществлять управление империей в условиях вооруженных конфликтов с соседями, однако причастных династии, которая когда-то – более полувека назад – успешно справилась с подобной задачей. Для проиконоборчески настроенных военных частей в 813 г., по выражению Н.-К. Кутраку, Константин был неким “военным святым” (“*saint militaire*”)²¹, а армия во времена иконоборчества в целом была основным адресатом государственной пропаганды²².

Итак, факт, который мог только усиливать позиции иконоборцев второго периода, нельзя было обойти молчанием, поэтому Никифор пытается всячески заретушировать его, постоянно напоминая о том, что Константин прожил *всего* 58 лет, и “продолжительность его жизни была не особенно велика” (ὁ δὲ τῆς ζωῆς αὐτοῦ πᾶς χρόνος οὐκ εἰς μακρόν τι πάνυ διήλασεν)²³. Однако

¹⁷ *Herrin J.* The Context of the Iconoclastic Reform // *Iconoclasm. Papers Given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies.* Birmingham, 1977. P. 17.

¹⁸ *Turner D.* The Origin and Accession of Leo V (813–820) // *JÖB.* 1990. Bd. 40. S. 201.

¹⁹ *Mango C.* Historical Introduction // *Iconoclasm...* P. 2.

²⁰ Они были отправлены в ссылку на Принцезы острова после неудачного заговора против Ирины и Константина VI (*Bury J.B.* A History of the Eastern Roman Empire: from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (A.D. 802–867). L., 1912. P. 41).

²¹ *Koutrakou N.-K.* La Propagande Impériale Byzantine: Persuasion et Réaction (VIIIe–X siècles). Athens, 1994. P. 187.

²² *Ibid.* P. 380. Подробнее о легендарном образе Константина V – победителя болгар, регулярно возникавшем в византийской литературе и через несколько столетий после Торжества Православия, см.: *Rochow I.* Kaiser Konstantin... S. 123–126.

²³ *Apologeticus atque Antirrheticus.* Col. 505D. Обратим внимание, что тремя строками ниже Никифор говорит о том, что Константин прожил все же достаточно долго, объясняя это божественным промыслом, уготовившим ему часть мучений уже на земле: “И даже это не по благоволению, а по попущению Божьему... Или, вернее сказать, поскольку Он отсрочивал время

затем автор будто бы начинает противоречить сам себе, приводя примеры *других* нечестивых правителей (Иеровоам, Манассия, Озия), которые *тоже* жили долго и преуспели, но тем не менее были прокляты и после смерти осуждены на вечные муки (на этом строится вся гл. 74 “Третьего Антирретика”). Противопоставляются же им праведники, окончившие свою жизнь в безвестности, но прославившиеся благочестием.

Следует обратить особое внимание на описание битвы при Анхиале. Это единственный случай, когда сведения, сообщаемые “*Apologeticus atque Antirrheticus*”, оказываются, на первый взгляд, диаметрально противоположны тому, что мы читаем в “Бревиарии”. Там Никифор упоминает две битвы у этого города, произошедшие в 763 и в 766 гг. соответственно, в обоих случаях их исход оказался в военном отношении благополучным для Константина. При описании первого сражения Никифор прямо говорит о хане Телеце, предводителе Болгар, как о проигравшем (“И побежденный в битве, он обратился в бегство”²⁴); во втором случае мир также был заключен, несмотря на то что по случайности множество солдат Константина пострадало от разыгравшейся бури, и он, по свидетельству Никифора, приказал сетями ловить тела погибших в море²⁵.

В “*Apologeticus atque Antirrheticus*”, напротив, автор утверждает, что Константину незаслуженно приписывают множество военных побед (ὅς δὲ ἐπιπλάττουσιν αὐτῷ νίκας), приводит в качестве примера именно битву при Анхиале (причем не вполне очевидно, какую именно из битв описывает Никифор в данном случае). В соответствующем фрагменте²⁶ нет прямых указаний на то, что сражение было проиграно, однако за счет определенных деталей и умалчивания о некоторых фактах создается именно такое ощущение. Никифор пишет: «Сами факты свидетельствуют о том, какой конец имела для него эта война», до сих пор рядом с городом можно наблюдать кости павших воинов, поскольку “почти все войско ромеев стало добычей скифского меча”²⁷. Впоследствии Никифор все же вынужден упомянуть исход войны в целом, однако представляет победу Константина чистой случайностью²⁸. Характерно, что рассмотренный фрагмент вызвал недопонимание и у современных исследователей, которые не смогли разобраться в хитросплетениях риторических приемов Никифора²⁹.

и по справедливости судил, чтобы тот уже здесь вкусил расплату за свои дерзости” (καὶ αὐτὰ γὰρ ταῦτα Θεοῦ συγχωρήσαντος, οὐκ εὐδοκίσαντος... ἢ οἰκειότερον εἰλεῖν, ἀναβαλλομένου τὸν χρόνον καὶ ἀξίως δικάζοντος, ἵνα κἀνταῦθα τῶν τετολημένων ὄσον ἀπογεύσασθαι δίκας εἰσπραττόμενος: *Apologeticus atque Antirrheticus*. Col. 508A).

²⁴ Καὶ ἡττηθεὶς μάχῃ εἰς φυγὴν ἐτρέλετο (*Breviarium Historicum*. P. 69). Об историческом значении этой победы и ее восприятии византийцами см.: *Rochow I. Kaiser Konstantin...* S. 95–96.

²⁵ *Breviarium Historicum*. P. 73.

²⁶ *Apologeticus atque Antirrheticus*. Col. 508AB.

²⁷ ὅποιον αὐτῷ τὸ τοῦ πολέμου τέλος κατάρθωτο, μαρτυρεῖ τὰ φαινόμενα... ἔργον γὰρ τῆς Σκυθικῆς μαχαίρας, ἅπαν σχεδὸν τὸ τῶν Ῥωμαίων ἐγένετο στράτευμα (*Ibid.* Col. 508B).

²⁸ *Ibid.* Col. 508CD.

²⁹ Н.-К. Кутраку приводит рассказ Никифора о битве как пример искажения исторических фактов, до которого доходил в полемическом задоре автор, т.е. воспринимает как повествование о поражении то, что, на самом деле, является рассказом о победе со смещенными акцентами, т.е. действует именно так, как того ждал Никифор (*Koutrakou N. - K. La Propagande Impériale...* P. 107. N 276). Подробнее о риторических приемах Никифора см.: *Луховицкий Л.В. Риторические приемы в антиконоборческом трактате патриарха Никифора Константинопольского “Apologeticus atque Antirrheticus” // Вопросы филологии. 2007. № 3. С. 85–93.*

Приведенные выше примеры демонстрируют, что Никифор всегда первым (опережая своих оппонентов) обращается к тем историческим фактам, которые могли бы быть использованы ими в своей полемике, и тем самым избегает ожидаемых обвинений в искажении исторической картины, которые последовали бы, обойди он эти факты молчанием. Однако Никифор старается интерпретировать их удобным для себя образом, нередко выдвигая взаимоисключающие объяснения, которые объединяет только одно – они неизбежно выставляют Константина V в самом неприглядном виде, с каких бы позиций ни оценивалось его правление, светских или церковных.

2. КОНСТАНТИН V И ЛЕВ V

Два периода иконоборчества

Чтобы разобраться в том, когда адресатом инвектив Никифора становится не покойный Константин V, а здравствующий Лев V, необходимо определить, как соотносятся в трактате первый и второй периоды иконоборчества.

Чаще всего Никифор подчеркивает сходства между правлением Константина и Льва V (судя по всему, для Никифора олицетворением первого иконоборчества был скорее Константин V, нежели Лев III). Иногда он говорит об этом прямо: сообщая, например, о голоде, вызванном осадой Константинополя во время войны с Артаваздом, он как бы ненароком упоминает о том, что голод этот оказался едва ли не так же страшен, как легендарный голод в Иерусалиме (μικροῦ τῆ κατὰ τὴν Ἱεροσόλυμιτῶν συνενεχθέντι ποτὲ παρισούμενος), и ничуть не уступает нынешнему (οὔτε τοῦ νῦν ἐντεῦθεν ἐναρξάμενου... ἐλαττούμενος)³⁰. При том, что все природные катаклизмы и бедствия древности и первого периода объясняются нечестием правителей, можно сделать вывод, что Никифор, хотя прямо и не говорит об этом, считает преступления Льва по отношению к Церкви едва ли не более страшными, чем те, что совершил Константин, ведь при сравнении как данное и не подлежащее сомнению приводится именно новое бедствие, а голод при Константине сопоставляется с ним.

В некоторых случаях Никифор считает нужным показать, что он видит разницу между первым и вторым периодами, однако на самом деле такое противопоставление каждый раз еще больше подчеркивает некую преемственность между Константином и Львом. Так, в гл. 44 “Третьего Антирретика” после разбора одного из аргументов противников Никифор говорит о том, что доказательства иконопочитателей возымели действие и “нечестивцы закрыли свои рты” (ἀλλορραπτόμενοι τὰ στόματα οἱ ἀνόσιοι), однако потом оказывается, что все это было лишь маневром, чтобы измыслить нечто еще более еретическое, и “они не оставили своего бесстыдного образа мыслей и утверждают вещи еще более нелепые и неразумные”³¹.

Разобраться в реальном отношении Никифора к двум периодам иконоборчества помогает “Большой Апологетик”, где уже в первых главах вы-

³⁰ Apologeticus atque Antirrheticus. Col. 500C.

³¹ τῆς ἀναισχύντου γνώμης οὐ καθυφιάσιν· ἕτερα δὲ ἀλογώτερα καὶ ἀνοητότερα τούτων ἐπάγουσιν (Ibid. Col. 464B).

страивается своеобразная иерархия нечестивцев: иудеи, распявши Христа, иконоборцы времен Константина V и иконоборцы времен Льва V. Первые выступают образцом для последующих, однако степень нечестия возрастает. Иудеи виновны лишь в “первых и первообразных страстях Христа” (τῷ πρωτίστῳ καὶ... ἀρχετύπῳ πάθει), а подражающие им еретики нового (“нашего”) поколения (ἐπὶ τῆς καθ’ ἡμᾶς γενεᾶς) обвиняются во вторых и третьих страстях (καὶ δεύτερον ἔτι καὶ τρίτον), которые Христос претерпевает через поругание священных символов Своего спасительного Воплощения³². Характерно использование Никифором специальной лексики, приобретшей во время иконоборческих споров терминологическое значение, в сугубо историческом контексте (ἀρχετύπῳ πάθει, εἰκονίζουσιν³³ и т.п.).

Если любые иконоборцы хуже иудеев, то иконоборцы второго периода хуже иконоборцев первого. Обоснование такого отношения приводится Никифором в гл. 17 и 25 “Большого Апологетика”. Вторые иконоборцы действуют вопреки решению II Никейского собора, признавшего постановление собора 754 г. недействительным, т.е. “бегут к безбожно созданному им (Константином) вопреки всем каноническим установлениям богомерзкому и безбожному синедриону... который они не стесняются называть собором”³⁴. Вина самих участников иконоборческого собора сравнительно мала (ἦττον γὰρ ἂν ἦν αὐτοῖς τὸ ἀδίκημα), поскольку решение еще не было вынесено всенародно, т.е. юридически возможность для обсуждения еще была. Кроме того, они были не особенно сведущи в церковном учении (αὐτοῖς... οὐ πάνυ κατελιημμένον τὸ τῆς Ἐκκλησίας δόγμα)³⁵.

Преступление нынешних иконоборцев гораздо более серьезно: они отвергли постановление законного собора³⁶, т.е. стали сомневаться уже “после подробного исследования” (μετὰ πολλὴν ἐκείνην ἔρευναν)³⁷. Особенно подчеркивается, что начиная с 787 г. все архиереи должны были подписывать постановление собора и это являлось обязательным условием рукоположения. Сам Никифор все еще занимает свою кафедру именно вследствие того, что в свое время поставил свою подпись под этим соборным определением³⁸. Обратим внимание, что таким образом Никифор не признает каноническим свое низложение и намечает линию аргументации, при помощи которой он сумеет доказать неправомочность поставления патриархом Феодота Мелиссина (патриарх с 1 апреля 815 г.)³⁹.

Однако при внимательном прочтении всего произведения складывается впечатление, что отношение Никифора к правящему императору не было

³² Ibid. Col. 552A.

³³ Согласно Никифору, подобно тому, как претерпевающие поругание священные символы изображают Господа, так и иконоборцы “изображают” иудеев (Ibid. Col. 549C).

³⁴ ἐπὶ τὸ ἀθέως καὶ παρὰ πάντα κανονικὸν λόγον ἀθροισθὲν ὑπ’ ἐκείνου θεοστυγὲς καὶ ἀνίερρον συνέδριον καταφεύγουσι... ὃ καὶ σύνοδον ὀνομάζειν... οὐκ ἐγκαλύπτονται (Ibid. Col. 580A).

³⁵ Ibid. Col. 596C.

³⁶ Подробную аргументацию в пользу каноничности собора 787 г. см.: Ibid. Col. 596D–597B. Анализ представлений Никифора о Вселенских соборах и их роли в церковной жизни см.: O’Connell P. The Ecclesiology of St. Nicephorus I (758–828). P. 108–119.

³⁷ Apologeticus atque Antirrheticus. Col. 596D.

³⁸ καθιλεγράψαμεν, ἐξ οὗ τὰς τε χειροτονίας καὶ καθιδρύσεις ἐν τοῖς ἱερατικοῖς θρόνοις ἔχομεν (Ibid. Col. 600A).

³⁹ Подробнее о нем см.: Die Patriarchen der Ikonoklastischen Zeit... S. 148–155.

столь однозначным. Рассмотрим гл. 67 “Третьего Антирретика”, где автор, говоря о божественном правосудии, сравнивает наказания, которые несли иудеи за грехи Манассии, с бедствиями, которые обрушились на империю из-за ереси Константина, и длятся “по сей день”. И все же одна деталь не позволяет сделать вывод, что поведение императоров не изменилось: в части, где рассказывается о бедах иудеев, говорится, что бедствия продолжались и при “правителях, отличавшихся благочестием и справедливостью”⁴⁰. Явная параллель с фразой о том, что жители империи до сих пор терпят бедствия за грехи Константина, заставляет видеть в этом достаточно осторожном в политическом плане высказывании попытку если не примирения со Львом, то по крайней мере возвращения к конструктивному обсуждению.

В целом тон трактата по отношению ко Льву (в тех случаях, когда мы можем с уверенностью утверждать, что Никифор обращается именно к нему) гораздо более спокоен, нежели, например, в так называемом “Малом Апологетике”, который был создан в период сильнейшего обострения отношений патриарха с императором⁴¹. Однако иногда Никифор считает нужным включать в текст прямые оскорбления Льва, как, например, в гл. 81 “Третьего Антирретика”⁴². То, что в этом отрывке речь идет именно о Льве, понятно, исходя из того, что адресата высказывания обвиняют в слишком большом внимании к победам Константина, а это было убедительным аргументом именно для Льва.

Чтобы разобраться в реальном отношении Никифора ко Льву V, необходимо прежде понять, как решались Никифором две важнейшие проблемы: *вопрос о светской и церковной власти и вопрос о причинах иконоборчества*.

Образ императорской власти в трактате

Первая проблема оказалась в центре внимания Никифора уже хотя бы потому, что самого Константина V он называет не иначе как Мамоной⁴³, что сразу же отсылает читателя к противопоставлению *мирского и церковного*⁴⁴. Исходя из этого, логично было бы предположить, что императорская власть воспринимается Никифором однозначно негативно. Однако при более внимательном анализе текста мы убеждаемся, что это не совсем так. Несколько раз в произведении автор использует распространенный в среде защитников иконопочитания аргумент в пользу того, что честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу. Этот аргумент строится, в частности, на том, что все подданные поклоняются портрету государя и надругательство над ним является преступлением. Вспомним, что Стефан Новый был обвинен в оскорбле-

⁴⁰ Καὶ ταῦτα καθ' οὗς χρόνους οἱ ἐπ' εὐσεβείᾳ καὶ δικαιοσύνῃ μεμαρτυρημένοι ἠγεμόνευσαν (Apologeticus atque Antirrhethici. Col. 501A).

⁴¹ Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus... P. 163–165, 182.

⁴² Apologeticus atque Antirrhethici. Col. 524A.

⁴³ Полное название “Антирретиков”: “Возражение и опровержение невежественных и безбожных суесловных мерзостей нечестивого Мамоны против спасительного Воплощения Бога-Слова” (Ἀντίρρησις καὶ ἀνατροπὴ τῶν παρὰ τοῦ δυσσεβοῦς Μάμωνᾶ κατὰ τῆς σωτηρίου τοῦ Θεοῦ Λόγου Σαρκόσεως ἀμαθῶς καὶ ἀθεῶς κενολογηθέντων ληρημάτων).

⁴⁴ Οὐ δύνασθε Θεῶν δουλεύειν καὶ Μάμωνᾶ (L 16:13).

нии величия императора (а не прямо в почитании икон) именно после того, как решился доказать на практике идею о чести, восходящей к первообразу, и наступил на монету с изображением императора⁴⁵.

В “*Apologeticus atque Antirrheticus*” эта идея получает дальнейшее развитие, что дает основания полагать, что для него принцип “Богу – Богово, кесарю – кесарево” является не просто отвлеченной теорией, но осознанной жизненной позицией. Упоминание в гл. 26 “Третьего Антирретика” о существовавшей в древности традиции изображать царей и поклоняться этим изображениям⁴⁶, можно понимать и в том смысле, что раньше сами цари были достойны такого почитания. Несколько глав второй части “Третьего Антирретика” посвящены прославлению императоров, одержавших великие победы и расширивших территорию империи⁴⁷. Кроме цели противопоставления их подвигов жизни Константина V, такие описания имели задачу показать Льву V определенный идеал правителя.

Характерно, что сам Никифор дистанцируется от взгляда, предполагающего прямую зависимость между преуспеванием в государственных делах и правильной религиозной политикой. Однако он готов посмотреть на историю государства с точки зрения своих противников (“если критерием веры для тебя являются победы над врагами и роскошества этого мира”⁴⁸), но даже и в этом случае окажется, что любые достижения Константина V не превзошли достижений его благочестивых предшественников (Август правил Римской державой столько, сколько длилась вся жизнь Константина⁴⁹, постройки Феодосия прекраснее и долговечнее построек Константина⁵⁰ и т.п.). Очевидно, что, когда Никифор в подобном контексте использует местоимение второго лица, речь идет именно о Льве V: “Поразмысли о числе лет, ведь это тебе любезно и желанно, и о длительности его (императора Феодосия) правления, о любитель долголетия и мирского!”⁵¹.

Таким образом, мы приходим к выводу, что сама по себе мирская (императорская) власть не воспринималась Никифором исключительно в негативном ключе. В произведении часто повторяется наименование Христа “царем царей”, при этом метафора получает продолжение: если Христос царь, то у него должны быть и достойные и соответствующие ему подданные,

⁴⁵ *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre* / Ed. M.-Fr. Auzépy. Aldershot, 1997. (ВВОМ. 3). Par. 55. Анализ эпизодов, в которых мученик и император почти меняются ролями и Стефан, перехватывая инициативу, выходит победителем после допроса, см.: *Auzépy M.-Fr. L'Hagiographie et L'Iconoclasme Byzantin...* P. 27–28, 44–45. О политических причинах казни Стефана см.: *Ibid.* P. 45–46.

⁴⁶ *Apologeticus atque Antirrheticus*. Col. 416C.

⁴⁷ *Ibid.* Col. 517C–525A. Ср. сходный пассаж во “Втором Антирретике” (*Ibid.* Col. 329C).

⁴⁸ ἐπεὶ σοὶ κριτήριον πίστεως αἱ κατ'ἐχθρῶν νίκαι καὶ αἱ τοῦ παρόντος κόσμου περιφάνεια (*Ibid.* Col. 524B). Ср.: εἰ δὲ χρῆ νίκαις... πίστιν μετρεῖν (*Ibid.* Col. 509A).

⁴⁹ *Ibid.* Col. 512A.

⁵⁰ *Ibid.* Col. 520C.

⁵¹ Λογίζου τὸν ἀριθμὸν τῶν χρόνων, ὅς σοι φίλος καὶ περισπούδατος, τῆς ἐκείνου βασιλείας τὸ μῆκιστον, ὃ φιλόχρονον καὶ φιλόκοσμον (*Ibid.* Col. 520D). Интересно, что у Scriptor Incertus слова о том, что все иконоборческие императоры умерли своей смертью, а все поклонявшиеся иконам были либо свергнуты, либо убиты в битве, вложены также именно в уста Льва V (Scriptor Incertus de Leone Armenio // *Leonis Grammatici Chronographia* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1842. P. 349).

земные цари⁵². Ключевым для Никифора оказывается понятие “царской стези” (ἡ βασιλικὴ τρίβος): иногда это словосочетание употребляется просто в значении “верный, прямой путь”⁵³, в то время как в других контекстах изначальная семантика слова “царский” сохраняется. В том случае, когда эти слова употреблены по отношению к императору, следует быть особенно внимательным. В гл. 42 “Первого Антирретика” Никифор, говоря о Константине, выдвигает против него следующее обвинение: “Ему кажется, что он постиг таинство Христа, но при этом он не знает и не видит, что у него под ногами. Ибо, раз отклонившись с прямой и царской стези, он движется к разверзшимся с обеих сторон обрывам”⁵⁴.

Последний пример показывает, что претензии Никифора и к Константину (в сфере политической, а не богословской), и ко Льву заключались в том, что они оба попытались вместо своих прямых обязанностей взять на себя груз догматических решений, что является прерогативой Церкви. Никифора не устраивает ситуация, при которой государство начинает вмешиваться во внутрицерковные отношения. Благочестивых государей отличает умение во всех богословских вопросах следовать мнению Церкви, т.е. не пытаться самим исследовать их, в то время как еретичествующие правители “устраивают изыскания, им не подобающие” (ἐξερευνῶντες ἐξερευνήσεις οὐδὲν αὐτοῖς προσήκουσας)⁵⁵. Именно так поступил и Константин V, “с большой враждебностью набросившись на Церковь” (δυσμενέστατα ἑαυτὸν ἐπιτόρῳνας τῇ Ἐκκλησίᾳ), при том, что ему было положено “заниматься общественными и царскими делами” (τοῖς δημοσίοις καὶ βασιλικοῖς ἐνασχολεῖσθαι πράγμασιν)⁵⁶.

В равной мере осуждаются и те церковные иерархи, что добровольно подчиняются мирским установлениям. В гл. 69 “Третьего Антирретика” мы видим прямые указания на такую позицию Никифора: он упрекает иконоборческих епископов в том, что они “забыли о всякой церковной благопристойности и порядке, пользуются мирскими законами и подпали под власть мирских начальников”⁵⁷.

Ответственность за иконоборчество

Вопрос о причинах иконоборчества, как их понимает Никифор, необходимо рассматривать в контексте других источников. В самом конце произведения, прямо перед причислением иконоборчества к списку известных ересей, Никифор посвящает целую главу⁵⁸ рассказу о еврее Тессаракондапихе, на которого возлагается ответственность за иконоборчество как на Востоке (при халифе Язиде), так и в Византии. Таким образом, предлагается теория

⁵² Apologeticus atque Antirrhetici. Col. 681CD.

⁵³ Ibid. Col. 232B.

⁵⁴ Δοκεῖ γὰρ κατεληφέναι τὸ Χριστοῦ μυστήριον, μηδὲ τὰ ἐν ποσὶν εἰδῶς ἢ βλέπων. Καθάπαξ γὰρ τῆς εὐθείας καὶ βασιλικῆς ἀπονενευκῶς τρίβου, ἐπὶ τοὺς ἐφ’ ἑκάτερα πῶς ἀποκεκλικότας κρημνοὺς ἵεται (Ibid. Col. 305D).

⁵⁵ Ibid. Col. 573A.

⁵⁶ Ibid. Col. 217BC.

⁵⁷ πάσης τῆς ἐκκλησιαστικῆς εὐκοσμίας καὶ τάξεως ἐπιλεησάμενοι, πολιτικοῖς νόμοις... χρῶνται, καὶ ἄρχουσι τοῖς κοσμικοῖς ὑποπελτώκασιν (Ibid. Col. 504A).

⁵⁸ Ibid. Col. 528D–532A.

заимствования извне, во-первых, а во-вторых, четко определяется виновник бед, обрушившихся затем на империю, – кто-то чуждый, пришедший извне и обманувший императора.

История о Тессаракондапихе (или Сарандапихе) содержится в ряде других источников (Хроника Феофана, Хроника Георгия Монаха и Деяния собора 787 г., где она вложена в уста диакона Иоанна, посланца восточных патриархов) и восходит к “*Historia Leonis*”, политическому памфлету, направленному против клана Ирины⁵⁹. Интересен тот факт, что исходный текст памфлета, отличавшегося и антииконоборческой направленностью, был не так резок по отношению к Льву III и Константину V, основная вина возлагалась на Висира-Сарандапиха. Автор этого памфлета (предположительно патриарх Тарасий) не мог прямо критиковать династию, к которой принадлежал Константин VI, в котором видели единственную альтернативу Ирине⁶⁰. Уже Феофан, включивший эту историю в свое сочинение, не чувствовал необходимости преуменьшать роль Исаврийской династии в установлении иконоборчества.

В изложении Никифора акценты смещены так же, как и в изначальном тексте. Никифор прямо утверждает, что причиной возникновения иконоборчества было не императорское желание, но замысел и злодейство иудеев (οὐ βασιλικόν, ἀλλ’ Ἰουδαϊκόν τὸ φρόνημα τοῦτο καὶ κακοῦργημα)⁶¹. Упоминания о Льве III (реальном инициаторе иконоборческих мер) почти отсутствуют: о нем Никифор говорит только в гл. 71 “Третьего Антирретика”, не называя по имени, указывая только на то, что Константин мучается в Аду вместе со своим отцом и сонаследником⁶². В гл. 84 он представлен скорее как случайная жертва, поскольку сказано только, что “корень этой горечи, произросший в Ромейском государстве, достиг и тогдашнего правителя...”⁶³. Таким образом, складывается ощущение, что иконоборчество могло бы распространиться и без участия императора.

Однако причины, по которым Никифор предпочитает выстроить именно такую схему, не совпадают с мотивами автора изначального памфлета. Задача Никифора в другом – он должен, отметив примеры удачных правлений благочестивых императоров и доказав, что он не является противником царской власти, как таковой, показать иконоборческому императору шаткость его опоры, разделить противников на два лагеря. Именно поэтому постоянно подчеркивается главенство епископов, а не самого императора в деле установления иконоборчества во второй раз.

Отметим, что иногда Никифор высказывается в подобном смысле и о Константине V, который, казалось бы, должен быть представлен как абсолютно

⁵⁹ *Afnogenov D. A Lost 8th Century Pamphlet...* P. 3–5.

⁶⁰ *Ibid.* P. 17.

⁶¹ *Apologeticus atque Antirrheticus. Col. 528B.* Интересно, что в других иконопочитательских сочинениях акценты расставлены совсем иначе. Так, автор Жития Никиты Мидийского специально подчеркивает, что “другие ереси имели начало от епископов и менее высоких пресвитеров, а эта от самих властителей... и те составились от догматических учений и споров, постепенно набирая силу, а эта от царской власти” (Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. Исповедника Никиты / Пер. Д.Е. Афиногенова. М., 2001. С. 119).

⁶² *Apologeticus atque Antirrheticus. Col. 508A.*

⁶³ τῆς πικρίας ἐκείνης ἡ ῥίζα τῆ Ῥωμαϊκῆ ἐμφυεῖσα πολιτεία, φθάνει καὶ μέχρι τοῦ τότε κρατοῦντος (*Ibid.* Col. 532A).

самостоятельный и своевластный правитель. Никак иначе нельзя объяснить регулярно появляющиеся в тексте трактата упоминания о “предводителях” Константина (οἱ ἄγωντες), которым тот подчиняется. Так, оказывается, что он “набросился на Церковь” (см. выше), “подчиняясь советам предводителей”⁶⁴. Многие свои утверждения Константин делал также “по обману своих предводителей”⁶⁵. Возможно ли, что Никифор снова отсылает читателя к легенде о Сарандапихе? Один фрагмент позволяет думать, что это именно так: в гл. 45 “Первого Антирретика” Никифор, описывая этих “предводителей” Константина, употребляет слово “прорицатели” (χρησμοδοῦσι)⁶⁶, которое напоминает о предсказании Сарандапиха, обещавшего Язиду долголетие и процветание в обмен на уничтожение икон. Указанные фрагменты⁶⁷, конечно, не могут свидетельствовать о каком-либо прощении Константина, однако сама тенденция прослеживается четко: реальная ответственность за иконоборчество лежит не на императоре (даже таком плохом, как Константин).

Истинные проводники иконоборчества второго периода обозначены очень условно, очевидно, что это иереи, лишенные сана за некие канонические преступления, однако дальше их образ приобретает совсем невероятные черты. В гл. 68 “Третьего Антирретика” говорится, что некие приспешники Константина после восстановления православия при Ирине были изгнаны из Константинополя и примкнули к некоей манихейской секте, чтобы при Льве V вернуться и сбить с истинного пути священнослужителей и императора. На них и возлагается вся ответственность за современное Никифору положение дел в Церкви и в империи в целом. С другой стороны, в самом начале “Большого Апологетика” (544CD) говорится, что от знающих не укрылся тайный план истинных проводников иконоборчества. Они, будучи прежде мирянами (ἐν λαϊκοῖς τὸ πρὶν τελοῦντες), движимые стремлением к пустой славе, специально приняли постриг (ἐπὶ τὸ σχῆμα τὸ μοναχικὸν... μετέθεντο), чтобы тайным образом достичь высших степеней священства (εἰς τὴν ἱεροσύνην καὶ τοὺς ἐκκλησιαστικοὺς καταλόγους λανθάνοντες εἰσεφθάρησαν) и тогда разрушить Церковь изнутри⁶⁸.

Предостережение Льву V

Вся логика рассуждения у Никифора ведет к тому, что иконоборческая политика оказалась во всех отношениях губительной для империи, и именно это обвинение выносится в самый конец произведения, перед выводом о том, что иконоборчество является ересью: “...из-за этого случилось так, что на Ромейскую империю обрушились несчастья и она умалилась”⁶⁹. Таким образом, рушится вся аргументация иконоборцев второго периода, ориентировавшихся на политические успехи Константина V. Византия в изображении Никифора представлена чуть ли не единственным местом, где до сих пор со-

⁶⁴ ταῖς τῶν ἀγώντων ὑπαγόμενος εἰσηγήσει (Ibid. Col. 217C).

⁶⁵ τῇ τῶν ἀγώντων ἐξαλάτη διαπραττόμενος (Ibid. Col. 233A).

⁶⁶ Ibid. Col. 317C.

⁶⁷ Ibid. Col. 313B, 341B, 344C.

⁶⁸ Ibid. Col. 44CD.

⁶⁹ ἐξ ὧν... κεκακῶσθαι τὰ τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς καὶ ἡλατῶσθαι συμβέβηκε (Ibid. Col. 525D)

храняется иконоборчество, и, таким образом, оказывается в недружелюбном окружении, что грозит обострением отношений с соседями и окончательным распадом державы: “Множество стран, больших городов и народов, у которых сохранилась наша благочестивая вера, и в особенности те, кто живет на Западе, отступились от нас”⁷⁰. То есть для Никифора потеря империей территорий оказывается однозначно негативным фактом, даже несмотря на то что именно отпавшие территории сохранили Правую веру, защитником которой он и выступает.

Это место можно сравнить с эпизодом из “Жития Стефана Нового”, где идет речь о начале гонений на иконопочитателей при Константине V. Стефан собирает монахов своего монастыря и рассказывает о патриархатах, осудивших иконоборческую ересь, советуя бежать из Византии. Он подробно перечисляет также все те места в пределах империи, где можно укрыться от преследований, однако создается впечатление, что таких мест мало и по большей части все территории подчинились Константину (“Ибо не осталось, кроме того⁷¹, ни одного города во владениях дракона, который бы не подчинился его пустословию”)⁷². Это объясняется иной задачей автора: создателя “Жития” интересует личный подвиг веры святого, добровольно отказавшегося от попыток скрыться или как-либо еще избежать казни. Поэтому монахи, спасшиеся на Кипре или в Риме, описываются с жалостью и сочувствием, их решение по сравнению с решением Стефана выглядит недостойно⁷³.

Кто именно, по мнению Никифора, угрожает благополучию империи и на кого именно нельзя опираться Льву V?

Во второй части “Третьего Антирретика” он подробно описывает ненадежную социальную базу иконоборчества. Это, в первую очередь, просто люди, достаточно низко стоящие на социальной лестнице: в гл. 64 дается красочное описание того, как Константин поставил на значимые места в Церкви “свинопасов, овчаров и пастухов быков, взяв их из хлевов, бычьих загонов и с козьих пастбищ”⁷⁴. Одним из самых частых эпитетов, которыми Никифор наделяет иконоборцев, является слово “κτηνώδης” (звероподобный) или “ἄγριος” (дикий). Вторая группа представляет гораздо больший интерес. Это отставные военные, совершившие некие преступления и поэтому лишенные права носить оружие; они нищенствуют и, образуя шайки, грабят простых граждан и подстрекают их на мятежи и волнения⁷⁵. Они и оказываются глав-

⁷⁰ πλείστα ὅσα χωῖραι καὶ πόλεις μεγάλαι καὶ λαοὶ, οἷς τὸ εἰς τὴν καθ’ ἡμᾶς πίστιν εὐσεβὲς τετήρηται, καὶ τούτων μάλιστα τὰ πρὸς ἥλιον καταδύομενον πρόσοκα γένη πρὸς ἀπόστασιν εἶδον (Ibid. Col. 525C).

⁷¹ Т.е. кроме трех ранее названных Стефаном регионов: Северного побережья Черного моря, Рима и Южной Италии и Кипра.

⁷² οὐ γὰρ ὑπολέλειπται ἄλλος τις τόπος, ὅστις ἐστὶν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ δράκοντος, μὴ πειθαρχήσας αὐτοῦ τῆ κενοφωνίᾳ (La Vie d’Étienne le Jeune... Par. 28).

⁷³ Ibid. Подробнее о географии иконоборчества в связи с речью Стефана см.: *Auzépy M.-Fr. L’Hagiographie et L’Iconoclisme Byzantin...* P. 270–284; *Ahrweiler H. The Geography of the Iconoclast World // Iconoclasm...* P. 21–27.

⁷⁴ Apologeticus atque Antirrhethici. Col. 493C.

⁷⁵ Ibid. Col. 492A. П. Александер предполагает, что реальной социальной опорой иконоборцев второго периода оказались военные подразделения, набранные при Никифоре I и демобилизованные при Михаиле Рангаве за свои иконоборческие убеждения (*Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus...* P. 121–125).

ными виновниками бед, обрушившихся на Византию. Упомянуть их в числе ответственных за установление иконоборчества было необходимо, чтобы показать Льву V, пришедшему к власти при поддержке армии, всю шаткость его положения.

Рассмотрим подробнее, как именно описывает Никифор эту социальную группу. Сам выбор лексики для характеристики отставных военных должен был вселять неуверенность в их надежности: они представлены любителями мятежей и нововведений⁷⁶, готовыми в любой момент обратиться против своих прежних благодетелей, если вдруг их материальное положение ухудшится. Возникает ощущение, что опасна эта неуправляемая толпа в первую очередь не столько защитникам иконопочитания, сколько правителям, и особенно императору Льву. Никифор сравнивает этих солдат с египтянами, которые восстали против своих властителей⁷⁷. При этом, разумеется, он не может прямо угрожать социальными потрясениями, которые последуют, если Лев не откажется от проводимой им иконоборческой политики. Автор делает это при помощи намеков: формально все его фразы о том, что эти шайки солдат верны лишь пока получают в достатке средства, завершаются указанием на то, что они обратились против своих господ еще до иконоборчества и обвинили Правую веру именно потому, что им перестали выдавать пищу⁷⁸. Однако не вызывает сомнений, что, соверши Лев хоть малейшую оплошность, его бывшие приверженцы и в этот раз обратятся против него, так как иконоборчество для них не только и не столько духовное учение, а скорее способ лучше устроиться в материальном плане, ведь они привыкли “измерять веру не правотою догматов, а избытком пищи”⁷⁹.

В других главах Никифор также периодически предостерегает Льва от излишней самоуверенности. После стандартной философской фразы о том, что мирская слава приходит и увядает подобно полевым цветам, он говорит также и о вполне земных причинах исчезновения великих империй: это “φρονήματα πλήθους” (мнения толпы) и “γνώμαι διαστασιάζουσαι” (враждующие точки зрения)⁸⁰. Последнее слово отсылает к “στάσις” (восстание), что так же, как и в предыдущем случае, можно трактовать как некое предупреждение. Понять, что для Никифора скрывается за словом “διαστασιάζουσαι”, можно исходя из одной его ремарки при описании победы Константина V над болгарами. Он утверждает, что слава победителя приписывается императору незаслуженно, так как он сумел покорить противников только благодаря внутренним конфликтам в их племенах. В этой фразе также употреблен интересующий нас глагол: “Константин застал этот народ борющимся со своими собственными властителями”⁸¹. Затем Никифор добавляет: “И такое происходит с ними часто, поскольку они воспитаны в варварских обычаях”⁸², т.е. любовь к восстаниям приписывается именно варварам. Если соотнести это высказывание с тем, что говорилось о солдатах, поддержавших Константина Копронима

⁷⁶ στάσεσι τε γὰρ καὶ καινοτομίαις ἀεὶ χαίρουσιν (Apologeticus atque Antirrhethici. Col. 492A).

⁷⁷ Ibid. Col. 492D.

⁷⁸ Ibid. Col. 492C.

⁷⁹ ἀδρότητι βρωμάτων ἢ ὀρθότητι δογμάτων ταύτην ταλαντεύοντες (Ibid.).

⁸⁰ Ibid. Col. 396A.

⁸¹ τὸ ἔθνος περὶ τοὺς οἰκειούς ἡγεμόνας διαστασιάζον κατέλαβε (Ibid. 508C).

⁸² καὶ γὰρ τοῦτο πολλάκις ποιεῖν αὐτοῖς εὐπετέξ, ἅτε βαρβαρικοῖς ἦθεσιν ἐντρεφομένοις (Ibid.).

и ставших опорой Льва V, то станет понятно, что Никифор предостерегает императора от судьбы варварских народов.

Таким образом, мы приходим к выводу, что почти вся аргументация, обращенная к Льву V, строится в политической плоскости. Приводя Константина Копронима в качестве примера нечестивого императора, Никифор предостерегает Льва от ошибок, совершенных его предшественниками. Он показывает, что обращение к тираническим методам правления, опора на ненадежные и непостоянные армейские слои и вторжение императора в сферу деятельности Церкви ведет к совершенно конкретным политическим обострениям и в конечном итоге к мятежу и развалу страны⁸³. В то же время Никифор показывает себя человеком, для которого целостность и благополучие империи являются ценностями первостепенной важности. Он не покушается на авторитет императорской власти как института и приводит примеры православных правителей, стяжавших славу и укрепивших державу.

Никифор прямо говорит о том, что примирение со Львом возможно, если тот откажется от политики иконоборчества. Он делает это перед рассказом об истории этой ереси: “Но если ты еще не настолько поработен неверием, ты попытаешься выбраться из обмана, в который ты погружен теперь, и устремись к правоте истины”⁸⁴. Подобным же обращением он и завершает свое произведение: “Теперь от вас, обладающих полнотой власти, зависит, что выбрать: благое и спасительное, или же дурное и вредное”⁸⁵. Однако, по всей видимости, такое предложение предполагало со стороны императора не только формальное признание православных догматов об иконопочитании, но и некие политические шаги (удаление иконоборческого клира, отказ от прежних союзников, признание большей независимости Церкви от государства и т.п.), на которые Лев V пойти не мог. Низложенный патриарх Никифор остался в ссылке, а император, приобретший к 820 г. множество врагов и недоброжелателей и крайне непопулярный в обществе⁸⁶, был убит своим бывшим союзником Михаилом Аморийским. Правление Льва V продолжалось недолго, всего 7 лет – с 813 по 820 г., как это и предсказывал Никифор.

⁸³ Невозможно согласиться с гипотезой П. Александра относительно того, что фигура Константина V выбрана Никифором исключительно для того, чтобы обезопасить себя от новых репрессий (*Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus... P. 187–188*). Образ Константина был чрезвычайно важен как сам по себе, так и в сопоставлении с Львом V.

⁸⁴ ἄλλ' εἰ μὴ τοσοῦτον προκατασχέθης τῇ ἀπιστίᾳ, ἐκπληθήσεται δέ σοι τῇ πλάνῃ καταδύεντι ποτὲ ἀνανήξασθαι, καὶ πρὸς τὴν τῆς ἀληθείας ἀποσκοπήσαι εὐθύτητα (*Apologeticus atque Antirrhethici. Col. 528B*).

⁸⁵ ἐφ' ἑμὴν λοιπὸν κείται αὐτεξουσίαις γε οὖσι, τὸ ἀγαθὸν καὶ σῶζον, ἢ τὸ φαῦλον καὶ βλάπτον ἐλέσθαι (*Ibid. 533A*).

⁸⁶ Афиногенов Д.Е. “Повесть о прощении Феофила” и Торжество Православия. М., 2004 (*Scrinium Philocalicum. IV*). С. 35–38.